

Полина Светлова

КОМАНДА «ПЛОХАЯ ИДЕЯ»

Полина Светлова

Команда "Плохая идея"

«Автор»

2026

Светлова П.

Команда "Плохая идея" / П. Светлова — «Автор», 2026

Лето в городе, скука и четверо друзей: изобретатель Витя, смелая Катя, осторожный Сёма и летописец Петя. Чтобы разогнать тоску, Витя придумывает клуб «Плохая идея»: они будут проверять самые безумные затеи, если те безопасны и никому не вредят. Ребята строят шалаш из школьных парт, пытаются вырастить растение из чипсов, устраивают чемпионат по прыжкам в лужи и создают машину времени из коробки. Эксперименты идут один за другим, пока их двор не становится знаменитым на весь город. Летние хроники одного двора, четырёх друзей и одного кота — весёлая и добрая книга о детской изобретательности, ответственности и настоящей дружбе.

© Светлова П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

КОМАНДА «ПЛОХАЯ ИДЕЯ»	5
Глава 1. Тринадцатый день каникул	6
Глава 2. Клуб	8
Глава 3. Значки и пароль	10
Глава 4. Шалаш	12
Глава 5. Растение из чипсов	15
Глава 6. Чемпионат по прыжкам в лужи	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Полина Светлова
Команда "Плохая идея"
КОМАНДА «ПЛОХАЯ ИДЕЯ»

Летние хроники одного двора, четырёх друзей и одного кота

Часть первая. Клуб открыт

Глава 1. Тринадцатый день каникул

ИЗ ЖУРНАЛА КОМАНДЫ «ПЛОХАЯ ИДЕЯ», СТРАНИЦА ПЕРВАЯ (ТОГДА ЕЩЁ ПРОСТО ТОЛСТАЯ ТЕТРАДЬ):

«13 июня. Витя сказал, что умирает от скуки. Я сказал: „А может, не надо?“ Витя сказал, что надо, потому что скучать — это как дышать, только наоборот».

Лето в городе стояло такое, какое бывает только в июне: зелёное, звонкое и бесконечное, как будто каникулы выдали сразу на три года вперёд.

Витя Завьялов, девяти лет, ученик будущего четвёртого класса, лежал на балконе восьмого дома вверх ногами — головой к перилам, кедами к небу, — и умирал от скуки.

Умирал он так уже тринадцатый день.

Внизу, во дворе, происходила обычная июньская жизнь: дед Матвей выгуливал таксу Пуговицу (Пуговица выгуливала деда Матвея — кто кого, спорили всем двором); баба Валя сидела на лавочке и следила за порядком (порядок боялся бабы Вали и вёл себя хорошо); дворник дядя Гена подметал асфальт, который был чистый, потому что дядя Гена подмёл его вчера, и позавчера, и будет подметать завтра.

Мама ушла на работу до шести. Папа был на смене в автосервисе. Кот Васька спал у Вити в ногах — тёплый, серый, абсолютно довольный жизнью, то есть полная противоположность хозяину.

Тринадцать дней назад Витя составил ПЛАН КАНИКУЛ. План был грандиозный: построить штаб, выучить десять новых слов на английском, научиться подтягиваться восемь

раз, вырастить растение из косточки, прочитать три книги и стать знаменитым (способ стать знаменитым в плане не уточнялся — Витя считал, что к июлю он как-нибудь сам выяснится).

Из плана было выполнено: ноль пунктов.

Косточка, посаженная в стаканчик, не взошла. Подтянуться восемь раз не получалось — получалось два с дрыганьем. Английские слова забывались быстрее, чем учились. Книги лежали стопкой и смотрели на Витю с укором. А стать знаменитым не выходило, потому что знаменитым в одиночку на балконе не становятся — это Витя понял к девятому дню.

— Васька, — сказал Витя коту. — Так дальше жить нельзя.

Васька открыл один глаз. Глаз говорил: «Ещё как можно».

— Понимаешь, — сказал Витя, садясь и свешивая ноги с балкона, — у человека должно быть дело. Папа говорит: «Человек без дела — как чайник без воды: стоит и остывает». Мы с тобой, Васька, остываем тринадцатый день.

Внизу хлопнула калитка. Во двор влетела Катя Гуськова — вихрь в кроссовках, с велосипедом, который ей подарили на день рождения в мае и который она с тех пор не ставила на тормоз ни разу. Следом, пытаясь, шёл Сёма Веткин — с рюкзаком (в рюкзаке у Сёмы всегда были: влажные салфетки, пластырь, вода, запасная футболка, книжка и на всякий случай свисток). Замыкал процессию Петя Голубев — он шёл медленно, потому что держал перед собой телефон и снимал, как Катя едет, а Сёма идёт.

Витя свесился с балкона:

— Народ! Вы чего делаете?

— Ничего! — радостно заорала Катя. — Ты чего делаешь?

— Умираю от скуки!

— А мы ездим! — сказала Катя. — Восемь кругов уже! Сёма считает!

— Семь с половиной, — поправил Сёма снизу. — Я считаю честно. Половину круга она проехала по газону, а по газону нельзя, значит, половина не считается.

— Петя, ты чего молчишь? — крикнул Витя.

— Снимаю, — сказал Петя, не отрываясь от телефона. — У меня, между прочим, канал.

— Какой канал?!

— Ютуб-канал! — с гордостью сказал Петя. — Папа старый телефон отдал, я его почистил и завёл канал. «Голубев смотрит». У меня уже двенадцать видео и три подписчика.

— Кто подписчики?

— Я, папа и один человек из Воронежа. Он случайно. — Петя пожал плечами. — Зато из Воронежа!

Витя посмотрел на них сверху вниз — на Катю с велосипедом, на Сёму с рюкзаком, на Петю с каналом и тремя подписчиками, — и вдруг почувствовал, как в нём что-то щёлкнуло. Как будто в голове заработал тот самый чайник, про который говорил папа: зашумел, забулькал и выдал пар.

— Ребята, — сказал Витя. — Поднимитесь ко мне. Есть разговор.

— Хороший? — деловито спросила Катя.

Витя подумал.

— Плохой, — сказал он честно. — Очень плохая идея. Лучшая за все тринадцать дней.

Глава 2. Клуб

ИЗ ЖУРНАЛА КОМАНДЫ «ПЛОХАЯ ИДЕЯ», СТРАНИЦА ВТОРАЯ:

«13 июня, вечер. Основан клуб. Название придумал Витя. Сёма голосовал против. Сёма всегда голосует против, но всё равно приходит. Значит, не очень против».

Кухня у Завьяловых была маленькая, поэтому заседание разместили так: Катя — на подоконнике, Сёма — на табуретке, Петя — на стуле (и всё снимал), Витя — во главе стола, Васька — на холодильнике, как председатель президиума.

— Значит так, — начал Витя. — Я думал три дня и придумал. Мы создадим клуб.

— Какой клуб? — спросила Катя. — У меня велик есть, если велосипедный.

— Не велосипедный. — Витя встал и прошёлся вдоль стола — он всегда ходил, когда думал, как папа по кухне, когда ждал зарплату. — Смотрите. Что мы делаем все каникулы? Ничего. Почему? Потому что хорошее делать скучно. Все делают хорошее: убираются, читают, подтягиваются. А плохое — никто. А плохое — оно интересное.

— Витя, — осторожно сказал Сёма, — плохое делать нельзя.

— Правильно! — Витя ткнул в него пальцем. — Нельзя. А мы и не будем делать плохое. Мы будем делать ПЛОХИЕ ИДЕИ. Понимаешь разницу?

— Не очень, — признался Сёма.

— Объясняю. Плохая идея — это которая: первое — смешная, второе — никто раньше не делал, третье — никому от неё не плохо. Например: вырастить растение из чипсов — плохая идея?

— Ещё какая, — сказала Катя.

— Плохая кому-нибудь от неё?

— Ну... чипсам?

— Чипсы не люди. — Витя загнул палец. — Значит, можно. Или: построить шалаш из школьных парт — плохая идея?

— У нас в школе ремонт, парты старые за спортзалом валяются, — медленно сказала Катя, и глаза у неё стали разгораться. — Совсем плохая.

— А прыгать в лужи на спор — плохая идея?

— Уже июнь, луж нет, — заметил Сёма.

— Будут, — отмахнулся Витя. — Ливни обещали. Не в лужах дело! Дело в принципе: мы придумываем самые плохие идеи — и проверяем, что будет. Как учёные! Только наоборот. Учёные проверяют хорошее, а мы — плохое. И записываем. Вот! — Он достал из-под стола толстую тетрадь в клетку. — Журнал. Будем записывать каждую идею и что из неё вышло. Как в лаборатории.

— А название у клуба есть? — спросил Петя, не отрываясь от экрана.

— Название, — торжественно сказал Витя, — я придумал вчера ночью. Клуб называется... — он выдержал паузу, какую делал папа, когда объявлял, что зарплату дали, — ...«ПЛОХАЯ ИДЕЯ».

Катя свистнула. Сёма сказал: «А может, не надо?» Васька на холодильнике открыл оба глаза.

— И ещё правила, — Витя открыл тетрадь. — Правило первое: плохая идея должна быть безопасной. Правило второе: чужого не ломать — своё можно. Правило третье: Сёма имеет право сказать «а может, не надо» в любой момент. Правило четвертое: если Сёма сказал «а может, не надо» — голосуем. Три «за» — идея идёт в дело. Правило пятое...

— А почему у Сёмы право, а у меня нет? — возмутилась Катя.

— Потому что у тебя его и так никто не отнимет, — сказал Витя. — Ты и без правила сделаешь. А Сёму надо защищать. Он у нас... — Витя поискал слово.

— Совесть, — подсказал Петя из-за телефона. — Я в видео так и подпишу: «Сёма — совесть команды».

— Пусть совесть, — согласился Сёма с достоинством. — Только чур я тогда и аптечку ношу.

— Чур, — сказала Катя. — А я кто?

— Ты руки, — сказал Витя. — Ты всё делаешь и ничего не боишься.

— А ты кто?

— Я мозг, — скромно сказал Витя.

— Ну-ну, — сказала Катя. — Мозг. А Петя?

— Петя — летописец, — сказал Витя. — Всё снимает. Потомки должны знать.

— Потомки — это кто? — уточнил Петя.

— Это все, кто будет после нас, — сказал Витя. — И три твоих подписчика. И тот из Воронежа особенно.

Петя просиял и поднял телефон повыше:

— Команда «Плохая идея»! Первый состав! Смотрим сюда!

На видео, которое Петя смонтировал тем же вечером (оно называлось «МЫ СОЗДАЛИ КЛУГ (орфография автора)»), было видно: кухня, четверо вокруг стола, толстая тетрадь на середине, кот на холодильнике и Витина рука, которая торжественно выводит на обложке:

ЖУРНАЛ ПЛОХИХ ИДЕЙ

Подпись внизу: «Июнь. Город. Двор. Всё только начинается».

Три подписчика видео не оценили — они спали. Зато человек из Воронежа поставил лайк.

Глава 3. Значки и пароль

ИЗ ЖУРНАЛА КОМАНДЫ «ПЛОХАЯ ИДЕЯ», СТРАНИЦА ТРЕТЬЯ:

«14 июня. Сделали значки (Витя), пароль (тоже Витя) и штаб (все). Сёма предложил сделать ещё и „план эвакуации из штаба“. Сделали и план. На всякий случай».

Значки делали из крышек.

Крышки собирали неделю — из-под бутылок с лимонадом, которые Витя с папой пили в жару, и ещё Катя провела «ревизию» у себя дома, у бабушки на даче (по телефону) и у Пети. Вышло двадцать три крышки — на четыре значка хватило с запасом.

Значки делали так: крышку плющили молотком на балконе (молоток был Катин — то есть Катин папин, дяди Толи, у которого «всё в доме должно быть», и дядя Толя даже не узнал, что молоток побывал в деле), потом Катя — она хорошо рисовала — выводила на плоской стороне маркером значок: молнию. Сзади приклеивали булавку — и значок был готов.

Получилось четыре штуки: кривые, гордые, с молниями разной степени молниевости.

— Вручение, — сказал Витя и вручил.

Себе он повесил значок на футболку слева, «где сердце». Кате — тоже слева. Сёме — Сёма попросил справа, «чтобы подальше от сердца, я волнуюсь». Пете — Петя повесил значок на телефон, и все согласились, что так даже лучше: летописец должен носить знак при орудии труда.

Пароль придумал Витя — и пароль вышел настолько хороший, что команда спорила о нём два часа.

— Пароль должен быть секретный, — говорил Витя.

— «Чипсы», — предлагала Катя.

— Чипсы не секретные, их все любят, — возражал Витя.

— «Пуговичный суп», — предлагал Сёма.

— Это не пароль, это диагноз, — говорила Катя.

— А давайте без слов, — сказал вдруг Петя, опуская телефон. — Давайте жестом. Слова подслушать можно, а жест — попробуй.

И Петя показал жест: два пальца к виску, потом кулак, потом большой палец вверх. Означало это, по Петиним словам: «Думаю — делаю — получилось».

Жест приняли единогласно. Он был глупый ровно настолько, чтобы никто посторонний не догадался, что это пароль.

Штаб устроили на Витином балконе.

Балкон был маленький, зато свой. Из мебели на него переехали: старый плед, четыре подушки (две законные, две — «позаимствованные у Васьки», за что Васька объявил команде бойкот на полдня), ящик из-под фруктов (стол) и банка с водой «для опытов». На перилах Катя вывела маркером на дощечке и прибила (гвоздь дал дядя Толя, молоток снова взял без спроса) вывеску:

ШТАБ КОМАНДЫ «ПЛОХАЯ ИДЕЯ»

ПОСТОРОННИМ В. (В — значит вход воспрещён)

— А Ваське можно? — спросила Катя.

Васька, который как раз в эту минуту запрыгнул на штабной плед и улёгся, всем видом показал, что вопрос риторический.

— Васька — талисман, — постановил Витя и записал в журнал: «Талисман: кот Васька. Обязанности: спать на важном. Кормить по требованию».

План эвакуации Сёма нарисовал сам — вид балкона сверху, стрелочки «туда» и «сюда», крестик «тут Васька, не наступить». План повесили внутри штаба, и два дня команда тренировалась: по команде Сёмы «Тревога!» все скатывались с балкона в комнату — кто как умел. Учились быстро. На третий день Васька стал реагировать на слово «Тревога» раньше людей и эвакуировался первым, через балконную дверь, с такой скоростью, что сшибал банку с водой для опытов.

Банку, в конце концов, убрали.

— А первая плохая идея когда? — спросила Катя на третьем заседании штаба. — Мы уже три дня значки носим, а идей — ноль.

— Первая идея будет завтра, — сказал Витя таинственно. — Я её уже придумал. Она большая.

— Насколько большая?

Витя посмотрел вниз, во двор, — туда, где за домом, в сторону школы номер пять, виднелась сваленная в кучу старая школьная мебель: парты, которые меняли на новые из-за ремонта.

— Видишь парты? — спросил он.

— Вижу, — сказала Катя.

— Завтра, — сказал Витя, — мы построим из них шалаш. Самый большой шалаш в городе.

Сёма вытащил из рюкзака влажные салфетки и положил их на ящик-стол — жестом человека, который понимает: завтра будет грязно.

Глава 4. Шалаш

ЖУРНАЛ ПЛОХИХ ИДЕЙ. ЭКСПЕРИМЕНТ № 1.

Идея: построить шалаш из школьных парт (Витя).

Ход работы: 4 часа. 8 парт. 1 мозоль (Сёма, но он сам виноват, не надо было без перчаток).

Результат: шалаш построен. Шалаш простоял 11 минут. Шалаш рухнул.

Вывод: парты — не конструктор. Но весело было как будто конструктор.

Оценка: 5– (минус за баб-Валино сердце, она хваталась).

Парты охранял сон.

То есть не так: парты никто не охранял, но лежали они за спортивным залом школы номер пять в таком месте и в таком виде, что рука не поднималась. Школа была за забором, забор — с дыркой (дырку знали все собаки района), а парты — свалены горой, как будто их туда ссыпали великаны и пошли обедать.

— Берём четыре, — скомандовал Витя. — Начнём с четырёх, посмотрим, как стоит.

— А разрешения? — спросил Сёма.

— Разрешения на что? — удивилась Катя, уже протискиваясь в дырку. — Они же выброшенные! Выброшенное — оно ничьё. Это как... как ракушки на море.

— Ракушки не умеют падать на ногу, — сказал Сёма и полез следом.

Петя остался у дырки — снимал «экспедицию» для канала.

Первую парту тащили вчетвером — вернее, втроем тащили, а Петя снимал и комментировал. Парта была советская, со станиной из чугуния (так Витя назвал металл, потому что

настоящего названия никто не знал) и с откидной крышкой, которая хлопала на весь пустырь, как выстрел. На хлопанье прибежала Пуговица, поучаствовала — села на парту сверху и отказалась слезать.

— Дед Матвей! — заорала Катя. — Вашу собаку украли парты!

Дед Матвей махнул рукой из-за забора — он выгуливал Пуговицу и всё видел, — но вмешиваться не стал. Дед Матвей вообще придерживался политики невмешательства, пока дело не касалось его газона.

За два часа шалаш вырос.

Он был устроен так: четыре парты — ножками вверх, как стены, — образовали квадрат; сверху легли ещё четыре — крышей; вместо двери между двумя партами оставили лаз — щель, в которую протискивались боком. Внутри помещались: вся команда, Васька (пришёл сам, делая вид, что просто мимо проходил), банка с водой, пакет чипсов (Катя: «строительные») и Сёмина аптечка (использована один раз: пластырь на Сёмину мозоль).

Шалаш получился кривоватый, но крепкий. Катя залезла на крышу и объявила, что с него видно весь двор, школу и даже «кусочек Воронежа» (Петя немедленно снял это для человека из Воронежа).

— Красота, — сказал Витя, сидя внутри и глядя на свет, который пробивался между парт. — Ребята, это наш первый шедевр.

— А может, — сказал Сёма, — нам его разобрать, пока нас никто не видел?

— Ты что! — ахнула Катя. — Он же памятник!

Памятник простоял одиннадцать минут.

На двенадцатой минуте во двор вышла баба Валя.

Баба Валя шла за хлебом и шла мимо школы — и увидела. Что увидела баба Валя, никто толком не понял, потому что баба Валя сначала остановилась, потом прижала руку к сердцу, потом сняла очки, протёрла и надела обратно, а потом сказала на весь пустырь голосом, который обычно берегла для самых страшных случаев:

— ДЕТИ. НА ПАРТАХ. СИДЯТ.

Парты, как назло, в этот момент скрипнули.

Не выдержал, конечно, шалаш — не от слов, а от того, что Катя на крыше пересела поближе к краю, а Витя внутри дёрнулся посмотреть, что случилось, а Сёма бросился ловить Ваську, который рванул наружу с перепугу. Три движения сразу конструкция из восьми парт, построенная девятилетними инженерами без чертежа, не выдержала.

Шалаш сложился — красиво, медленно, как в кино: крыша съехала, стены разъехались, вход сложился домиком вдвое. Пыль стояла до самого забора. Пуговица, которая дремала в сторонке, подскочила и облаяла пыль как личного врага.

Из-под парты, которая легла верхом на другую парту, выбрались: Витя (весь серый), Катя (серая и счастливая), Сёма (серый, с пластырем в зубах — доставал для Вити) и Васька (абсолютно чистый — коты, как известно, в катастрофах не участвуют, они их наблюдают).

— Живые? — деловито спросила баба Валя, подойдя.

— Живые, — сказал Витя.

— Тогда собирайте, — сказала баба Валя. — Всё собирайте, как было. Я подожду.

Собирали час. Баба Валя сидела на уцелевшей парте (одна парта уцелела — та, на которой раньше сидела Пуговица) и руководила: «Левее. Ещё левее. Вот туда. Девочка, ты куда крышку суешь? Крышка — в паз. Мальчик с телефоном, придержи ножку».

Петя держал ножку и снимал одной рукой — получилось видео «НАШ ШАЛАШ УПАЛ (и мы его собрали)», которое потом стало самым популярным на канале.

Когда всё было сложено в прежнюю гору, баба Валя встала, отряхнула юбку и сказала:

— Ну. И чему вас учит эта история?

— Что парты — не конструктор? — предположил Сёма.

— Что бабы Вали ходят за хлебом в любую погоду? — предположила Катя.

— Что шалаш из тяжёлого надо строить лёгким, — сказал Витя. — Из веток. Или из лёгких досок. Парты — они же чугунные.

Баба Валя посмотрела на него долго и внимательно — так она смотрела на всех, кто говорил умное, и от этого взгляда умное становилось ещё умнее.

— Верно, — сказала она. — Тяжёлое само по себе падает. Запомни это, мальчик. Это не про парты. — Она поправила очки. — А шалаш у вас был красивый. Я, когда сердце хватало, — я не от страха хватала. Я от удивления. Сорок лет тут живу, а такого не видела.

И ушла за хлебом.

Вечером Витя записал в журнал первый эксперимент — целиком, со всеми одиннадцатью минутами славы и часом сбора. Внизу он добавил от себя, уже лёжа в кровати:

«P.S. Баба Валя сказала „красивый“. Значит, идея была не плохая. Значит, была НЕДОдуманная. Это разные вещи. Буду додумывать».

Часть вторая. Эксперименты

Глава 5. Растение из чипсов

ЖУРНАЛ ПЛОХИХ ИДЕЙ. ЭКСПЕРИМЕНТ № 2.

Идея: вырастить растение из чипсов (Катя).

Обоснование: «Из картошки же растёт! А чипсы — это картошка, только готовая. Значит, быстрее».

Ход работы: 6 дней. Полив по графику (Сёма). Охрана от Васьки (провалена 3 раза из 3).

Результат: растение не выросло. Чипсы уменьшились на 14 штук. Подозреваемый найден. Подозреваемый не раскаивается.

Вывод: готовое не растёт. Растёт только сырое. И то не всё.

Клумба у восьмого дома была маленькая, квадратная и официальная: на ней росло шесть кустов, которые баба Валя называла «спирея», и один пион, который баба Валя называла «мой».

Отдельный угол клумбы — за пионом, где баб-Валин взгляд доставал слабее, — команда отвела под опытную делянку.

Делянку огородили палочками от мороженого. В землю закопали три чипсины — целые, с солью и паприкой, из большого пакета, купленного вскладчину. Рядом воткнули табличку, которую Катя написала печатными буквами:

«ОПЫТ. РАСТЁТ. НЕ ТРОГАТЬ. КОТУ ОСОБЕННО».

— Почему коту особенно? — спросил Сёма.

— Потому что я видела, как Васька на неё смотрел, — сказала Катя.

Васька, который сидел на бордюре с абсолютно невинным видом, при слове «кот» чуть заметно двинул ухом.

Первые два дня всё шло по науке. Сёма поливал делянку из банки утром и вечером — по графику, который сам же составил и повесил в штабе («ГРАФИК ПОЛИВА. Ответственный: Сёма. Запасной: тоже Сёма»). Петя каждый день снимал «день роста»: чипсы в земле выглядели одинаково, но Петя говорил, что «динамику видно, если смотреть все дни подряд», и был по-своему прав.

На третий день Васька совершил первое покушение. Его спугнули. На четвёртый — второе. На пятый Сёма, придя поливать, обнаружил на делянке свежие раскопки и не досчитался одной чипсины.

— Это кот, — сказал Сёма сурово. — У меня доказательства. Шерсть. И вот эти следы. Следы лап.

— Может, чипсина сама... — начал было Витя.

— Сама она могла только Ваське в желудок, — отрезала Катя. — Я видела, как он вчера облизывался с папричным видом.

На шестой день пропали ещё две чипсины. Эксперимент признали проваленным — и в тот же вечер устроили по нему торжественное заседание штаба.

— Итак, — сказал Витя, открывая журнал. — Растение из чипсов не выросло. Почему?

— Потому что чипсы мёртвые, — сказала Катя. — Их пожарили. Из мёртвого живое не растёт. Это я у брата в учебнике читала.

— А может, — сказал Сёма задумчиво, — они не мёртвые, а законсервированные? Ну, как бы спят?

— Чипсы не спят, — сказала Катя.

— Откуда ты знаешь? — спросил Сёма. — Ты их будила?

Сёма вообще любил задавать такие вопросы, после которых спор заходил в тупик. Катя открыла рот — и закрыла.

— Ладно, — сказал Витя. — Записываем вывод. Пиши, Петя.

Петя диктовал в телефон, Витя писал в журнал, и вывод вышел такой:

«Чипсы не растут. Возможно, спят. Проверить нельзя, потому что Васька съел объект исследования. Новый эксперимент ставить на картофеле живом — просила Катя, она знает место, где бабушка на даче закапывает пророщенный.»

— А Ваську что, не накажем? — спросила Катя.

Все посмотрели на Ваську. Васька лежал на пледе в штабе — на своём законном месте талисмана, — и в усы ему набились паприка.

— Его судить надо по его законам, — сказал Сёма. — Он не знал, что это объект. Он думал, это ужин. Если бы нам сказали, что ужин — это объект исследования, мы бы тоже... — он посмотрел на чипсы в Катиной руке, которые она держала «для наглядности», — ...мы бы тоже их съели.

— Логично, — признал Витя. — Васька оправдан. Чипсы — в архив.

«Архивом» называли банку из-под солений, куда складывали всё, что осталось от экспериментов: палочки от мороженого, этикетку от пакета, фотографию делянки (Петя распечатал её в фототочке — целых две страницы за раз; папа тогда сказал: «Сынок, у тебя канал или полиграфия?»).

— А знаете, что хорошо? — сказала Катя, закрывая архив. — Мы теперь точно знаем, что из чипсов ничего не вырастет. А до опыта не знали!

— Это называется наука, — с гордостью сказал Сёма. — Отрицательный результат — тоже результат. У меня в книжке было.

— Записали, — сказал Витя и записал: «Отрицательный результат — тоже результат (Сёма, из книжки). Повесить в штабе».

Над входом в штаб, рядом с вывеской, появилась вторая дощечка — с Сёминой мудростью. Баба Валя, проходившая мимо, прочитала её вслух, постояла и сказала не кому-то конкретно, а в пространство:

— Растёт что-то у них. Не чипсы, а другое. Но растёт.

Глава 6. Чемпионат по прыжкам в лужи

ЖУРНАЛ ПЛОХИХ ИДЕЙ. ЭКСПЕРИМЕНТ № 3.

Идея: чемпионат двора по прыжкам в лужи (Витя, после дождя).

Номинации: «Дальность», «Брызги», «Художественность».

Участники: 11 человек и 1 собака.

Результат: Гран-при — Пуговица (номинация «Художественность», прыжок с поворотом). Брызги: по колено всем, включая судью (баба Валя, но она сама вызвалась).

Вывод: лужи — самый демократичный вид спорта. Побеждает тот, кто мокрее и радостнее.

Дождь шёл два дня и на третий день ушёл, оставив городу главное сокровище июня — лужи.

Лужи во дворе восьмого дома были особенные, потому что асфальт тут клали давно и с душой: в каждой ямке жила своя лужа, а у качелей стояла Главная Лужа — размером с небольшую площадь и глубиной с большой резиновый сапог.

Витя посмотрел на Главную Лужу в окно штаба — и в нём снова зашумел чайник.

— Ребята, — сказал он. — Завтра. Чемпионат.

— По чему? — спросила Катя.

— По прыжкам в лужи, — сказал Витя. — С правилами, судьями и номинациями. Как на Олимпиаде. Только мокрее.

Подготовка заняла день. Сёма составил правила (семь пунктов, включая «прыгать только по сигналу» и «топить друг друга запрещено, даже в шутку»). Катя нарисовала афишу — её

повесили на доске объявлений у подъезда, между квитанциями и рекламой окон. Петя снял промо-ролик: Главная Лужа крупным планом, голос Пети за кадром: «Они ждали. Они готовились. Они прыгнут» — и Васька, который в конце промо-ролика подошёл к луже, понюхал её и демонстративно обошёл по краю.

«Кот отказался от участия, — гласила подпись. — Кот не готов».

В день чемпионата во двор вышли одиннадцать человек.

Пришли: команда в полном составе; три мальчика из соседнего подъезда (они сначала «просто смотрели», а потом заявили в «Дальность»); две девочки-близняшки с пятого этажа (заявились в «Брызги» и победили в нём совместно — жюри не смогло разделить, чьи брызги выше); дед Матвей (заявился вне конкурса, «в группе ветеранов», и прыгнул так, что Пуговица залаяла от уважения); и сама Пуговица, которая не заявлялась, но участвовала.

Судьей вызвалась баба Валя.

— Я, дети, тридцать лет проработала в домоуправлении, — сказала она, вынося из подъезда табуретку. — Я столько луж приняла на баланс, что имею право их судить.

Чемпионат шёл три часа.

В «Дальности» первенствовал Витя — он прыгнул с разбегу и с дощечки, которую притащил дядя Толя («снаряд, — сказал дядя Толя, — должен быть»). Прыжок вышел метра на два с половиной, и Витя приземлился в середину Главной Лужи с таким фонтаном, что близняшки завизжали от восторга, а Сёма записал в протокол: «Победитель промок насквозь. Значит, победил честно».

В «Брызгах» победили близняшки — синхронно, двумя ногами, брызги встали стеной. Дед Матвей в группе ветеранов показал брызги скромнее, зато классом выше: «розочкой», как он выразился, — то есть веером.

А «Художественность»...

«Художественность» взяла Пуговица.

Она долго не прыгала — ходила вокруг лужи, принималась, вызвала сомнения у публики. А потом разбежалась, оттолкнулась всеми четырьмя, в полёте почему-то перевернулась через голову, шлёпнулась на середину, выскочила на тот берег, отряхнулась так, что окатило судью, и с гордым видом унеслась к деду Матвею.

Двор молчал секунду. Потом заорал.

Баба Валя, с которой стекала вода, встала на табуретку и объявила:

— Гран-при присуждается... собаке Пуговице! За прыжок с поворотом, исполнением и последствиями!

Гран-при был настоящий — Катя сделала его из фольги: медаль на шнурке с надписью «ЛУЧШИЙ ПРЫГУН ДВОРА». Пуговица медаль не оценила, но дед Матвей надел её на ошейник с таким видом, будто это орден.

Вечером одиннадцать человек и одна собака разошлись по домам — мокрые, хлюпающие, счастливые. Мамы во дворе ругались ровно пять минут и сменили гнев на милость, потому что, как выразилась Катина мама: «Пусть лучше так, чем в телефонах».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.